
ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И ОСНОВНЫЕ
ОБЯЗАННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ НОРМИРОВАНИЯ.
ЧАСТЬ I (ОКОНЧАНИЕ)**

© 2018 г. Б.С. Эбзеев

*Центральная избирательная комиссия РФ, Москва
E-mail: ebzeev_bs@mail.ru*

Поступила в редакцию 08.06.2017 г.

В данной части статьи рассматривается историческое развитие основных обязанностей. На этом фоне выявляется значение естественного права в становлении обязанностей человека, раскрывается их соотношение с обязанностями гражданина. Особое внимание уделено идейным истокам и развитию основных обязанностей в России.

Ключевые слова: личность и общество, конституционный правопорядок, обязанности человека и гражданина.

* * *

Цель предшествующего исторического экскурса заключается в осмыслении обязанностей человека и гражданина как развивающегося явления, возникшего в определенных условиях и под влиянием определенных факторов и причин, которые, в свою очередь, сами претерпевают изменения и влекут преобразование общественного сознания и социальной практики. Как раз принцип историзма позволяет преодолеть традиционное заблуждение, что проблемы обязанностей человека (именно человека, а не гражданина) не существует, а сама постановка такого вопроса неуместна, поскольку обязанности личности якобы в принципе не могут затрагивать естественно-правовые принципы. Напротив, именно в период демократических революций в Европе “разговоры об обязанностях наряду с правами” имели и значение, и отклик. А понятие обязанностей человека не “просто затрагивалось” в философии права, но и было легализовано конституционными актами строя, пришедшего на смену феодализму.

Этот же принцип ведет к убеждению, что историческое своеобразие развития России с присущей такому развитию противоречивостью не означает, что наша страна в своем развитии оставалась вне тенденций, характерных для Западной Европы. Это не два не пересекающихся потока истории, напротив, по замечанию выдающегося русского государствоведа Б.Н. Чичерина (1828–1904), в части государственно-правового строительства “ход русской истории представляет замечательную па-

раллель с историей Запада”, и “это сродное, параллельное течение жизни... не повторяется ни у каких других народов древнего и нового мира”¹.

Но верно и другое: Россия, которая, несмотря на социальные и экономические, а также, хотя и в гораздо меньшей степени, политические преобразования в XIX и особенно в начале XX в., во многом сохранила незыблемыми устои традиционного общества. Обязанности же для традиционного общества характерны больше, чем права. Последние требуют более развитых политико-юридических форм и отношений равных; обязанности изначально этого условия не требуют и, если отвлечься от их содержания и целей, могут развиваться в рамках различных политических режимов и правовых систем. Столь же верно, что перед государственной властью в России стояли иные задачи, нежели на Западе. Именно власть, а не гражданское общество, выросшее из рынка и товарно-денежных отношений, была главным двигателем общественного развития, а народ нес на себе громадные тяготы во имя общего блага.

В этой связи отечественные юристы прошлого имели основание утверждать, что “в наших основных законах о правах гражданской свободы вообще ничего не говорится”² и именовать главу вторую “Основных законов Российской империи”

¹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 330.

² Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 456.

“хартией реальных обязанностей”³. Возможно поэтому в политико-правовой мысли России борьба за права сопрягалась с борьбой за обязанности, ибо обязанности расценивались как условие пользования последними и гарантия истинной свободы, долженствующей прийти на смену крепостничеству, сословному делению и самодержавному государству без меры и границ.

В частности, первый русский правозащитник А.Н. Радищев (1749–1802) в своем “Проекте для разделения Уложения Российского” писал о “правах и обязанностях государства”, “управляющих и управляемых”, “правах и обязанностях народа или граждан вообще”. И если права граждан “состоят в свободе 1) мысли, 2) слова, 3) деяния, 4) в защите самого себя, когда того закон сделать не в силах, 5) в праве собственности и 6) быть судимым себе равными”, то их обязанности состоят: 1) в верности государю и государству, 2) в непрекословном повиновении изданным законам; 3) в повиновении повелениям “законных начальств, елико то с законами сходствует”⁴. Один из самых выдающихся вождей декабристского движения П.И. Пестель (1739–1826), “Русская правда” которого была своеобразным панегириком естественному праву, писал «о недопустимости разрушения “равновесия всех обязанностей и всех прав”». “Из сего явствует, — продолжал руководитель Южного общества, — что Законы могут быть также зловластны, как и сами действия Правительства, но что никогда таковыми быть не должны, если государство предназначено пользоваться благоденствием. Что же касается до коренных свойств человека, то оные суть Законы, определяющие природные и неизменные обязанности и права частных лиц; они изданы Всевышним Существом и должны, следовательно, иметь неоспоримое первенство над Законами, изданными Человеками”⁵.

При этом провозглашавшиеся А.Н. Радищевым или П.И. Пестелем обязанности человека и гражданина, как и права личности, не выросли естественноисторическим образом на отечественной политической почве, они должны были прийти на смену крепостничеству и сословным привилегиям и в силу этого выполняли революционную роль, поскольку их утверждение в общественной практике требовало ликвидации аб-

солютизма с присущим ему сословным делением и возведения на его развалинах государства демократического (конституционной монархии или республики)⁶.

Обязанности человека и гражданина, однако, не были чужды взглядам и тех мыслителей, которые были далеки от революционных устремлений. В этой связи особенно интересно суждение выдающегося политического деятеля России и реформатора М.М. Сперанского (1772–1839), которого порой также относят к сторонникам естественного права: “Свобода подлежит четырем главным ограничениям, или обязанностям: 1) обязанность к добру совершенному, 2) обязанность к нраву, 3) обязанность к изящному, 4) обязанность к истине. Сии четыре обязанности суть существенны воле человека. Без них свобода наша не была бы свобода человеческая, но свобода сатанинская”⁷.

Тем самым юридическое не отрывалось от нравственного, а социальное от индивидуально-го. Как подчеркивал выдающийся русский философ В.С. Соловьев (1853–1900), «мы не можем раз и навсегда покинуть сферу “коллективного”, но при этом также не в состоянии преодолеть соблазн индивидуального»⁸. Именно в этом заключался основной вектор развития отечественной социально-политической и философской мысли, которая как и общественное сознание (из которой оно выросло) никогда и в последующем (XIX–XX вв.) не отрицала обязанностей человека и гражданина, причем независимо от идейных установок ее носителей. В частности, у Г.В. Плеханова (1856–1918) не было сомнения, что “нравственное воспитание людей в том и состоит, чтобы привить каждому из них сознание своих обязанностей по отношению ко всем остальным”⁹. Известный государствовед П.И. Новгородцев (1866–1924) считал обязанности личности ее атрибутивными свойствами¹⁰. По мнению И.А. Ильина (1883–1954), люди, не ведающие своих обязанностей, “легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую” несовместимость¹¹.

³ Дунаев В.И., Никитский А.А. Очерки о государстве / вступит. ст. А.С. Ященко. М., 1909. С. 152.

⁴ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / под общ. ред. С.А. Покровского. М., 1959. С. 479.

⁵ Пестель П. Русская правда. М., 1993. С. 362.

⁶ См. подробнее: Авалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестке мнений советских историков. М., 1990; Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб., 1992.

⁷ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1872. С. 830.

⁸ Соловьев В.С. Оправдание добра. СПб., 1897. С. 18.

⁹ Плеханов Г.В. Избр. философские произв.: в 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 678.

¹⁰ См.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 111.

¹¹ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.

Отсюда глубоко логичен был вывод Н.А. Бердяева (1874–1948), творившего, как и И.А. Ильин, в иное время и в совершенно иных социальных условиях, но удивительно точно выразившего существо соотношения прав и обязанностей: “Декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина”¹². Иначе говоря, свобода и права личности должны быть совместимы с общими интересами посредством рациональной конституционной легитимации обязательных связей между ними.

Однако великий порыв к свободе в Октябре 1917 г. привел Россию к этатизму с характерным для него неприятием противопоставления государства и индивида, поскольку преодолены присущие прошлому социальные антагонизмы. Победил системоцентризм, нашедший наиболее последовательное выражение в классовой теории государства, в котором отдельный индивид вне исторической эпохи не существует; человек есть часть великого социального целого — пролетариата, а позднее — социалистического государства. Именно государство суть главная форма коллективности, оно является выразителем высшей воли, которая и обладает способностью свободного выбора.

Могущество государства ничем не могло ограничиваться. Раздел второй Конституции РСФСР 1918 г. открывался ст. 9, согласно которой основная задача Конституции заключалась в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства “в виде мощной все-российской Советской власти”. Сила шла впереди права, именно она была признана главным средством реализации социальных целей и задач, стоявших перед обществом, в числе которых — полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти¹³.

Именно эта фундаментальная для нового строя установка оказывала определяющее влияние на природу и номенклатуру закрепленных в Конституции обязанностей, в распределении которых самое важное критериальное значение имела классовая принадлежность их носителей. Как говорилось в ст. 23 Конституции РСФСР, “руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Россий-

ская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции”. Только “трудящиеся” участвовали в осуществлении государственной власти и управления, только им обеспечивалась свобода печати, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и др. Только “трудящимся” было предоставлено почетное право защищать Революцию с оружием в руках, а на нетрудовые элементы возлагалось отправление иных военных обязанностей.

Интересами диктатуры пролетариата оправдывалось подавление политических противников и лишение некоторых категорий граждан активного и пассивного избирательного права. Тем самым институты ограничения прав (обязанности-ограничения) и запретов (обязанности-запреты) были дополнены институтом лишения прав, который распространялся на “классово чуждые элементы”. Что же касается позитивных обязанностей, Революция, растворявшая индивида в коллективности, в них не нуждалась; декретируемые ею обязанности определяли формы участия индивида в созидании и защите коллективного социального строя, как это было предусмотрено идеологией социализма.

Принцип поглощения коллективным человеческой индивидуальности последовательно был проведен в Конституции СССР 1936 г., посвятившей обязанностям граждан четыре статьи (обязанности соблюдать Конституцию и законы, трудиться и соблюдать дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития и др.). Конституция СССР 1977 г. воспроизвела все обязанности, установленные ее предшественницей, а также предусмотрела ряд новых для мировой конституционной практики обязанностей, вытекавших из принципа социалистического интернационализма (уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей советского многонационального государства и др.); в ней получили отражение этико-социальные (заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества и др.), а также экологические и историко-социальные обязанности граждан (беречь природу, охранять ее богатства, заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей).

При этом, однако, в ст. 59 Конституции, предварявшей изложение обязанностей, был установлен принцип, особенно рельефно выражавший не

¹² Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: избр. труды / ред.-сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. М., 1999. С. 275.

¹³ См. подробнее: Эбзеев Б.С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право. 2017. № 7.

“просто” соотношение обязанностей и прав, но саму природу взаимоотношений личности и общества: “осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей”. Стало быть, права и свободы есть дар государства за выполнение гражданином установленных в Конституции обязанностей.

Но главное заключалось даже не в этом. Наличие Конституции не означало конституционализации государства; Конституция обязывала личность, но не государство, ибо не предусматривала границ, которые власть не вправе была бы преступить под угрозой делегитимации издаваемых ею актов или юридической ответственности. Отсюда отечественная юриспруденция, в которой на советском этапе ее развития едва ли не безраздельно доминировал некритичный позитивизм, приходила к выводу, что юридические обязанности есть наиболее надежное средство достижения общественно полезного результата¹⁴.

Во многом благодаря именно этим радикально-ригористским взглядам и соответствующей им социальной практике проблема обязанностей приобрела в начале 90-х годов прошлого столетия мировоззренческий характер; от ее решения в большей мере зависело, удастся ли будущей Конституции соединить ценности индивидуальной свободы и независимости личности с ее ответственностью и обязанностями перед обществом и за общество, вне которых личность не может ни сложиться, ни существовать, либо она станет основным законом общества “необузданных” прав.

А.И. Солженицын (1918–2008) еще в 1990 г. провидчески предупреждал, что «существование общества “необузданных прав” невозможно. Устойчивость общества может быть достигнута не на равенстве сопротивлений, но на сознательном ограничении... Свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу»¹⁵.

¹⁴ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / редкол.: Е.А. Лукашева (отв. ред.), А.В. Мицкевич, И.С. Самошенко и др. М., 1973. С. 99.

¹⁵ Солженицын А. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Лит. газ. 1998. № 38. Спустя восемь лет А.И. Солженицын вновь предупреждал: “Понятие свободы у нас вознесено до полного отрицания обязанностей и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани — человеческие существа, пока чувствуем на себе, над собой наш долг” // Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С. 47.

В самом деле, нуждается ли в доказательстве, что свобода, не знающая ограничений, есть произвол. Устойчивое функционирование общества в целом, как и любого объединения людей, невозможно без определенного порядка и внутренней согласованности, разделения труда и функций. Отсюда с неизбежностью вытекает необходимость регулирования поведения людей в целях обеспечения их совместной деятельности, их подчинения установленному общей волей порядку, который обеспечивается государственным принуждением. Тем самым блокируется возможность произвола и минимизируются последствия конфликта индивидуальных и общих интересов, а социальная активность личности проявляется в принятых обществом стандартах поведения.

На уровне философского обобщения речь идет о том, что реальный социальный процесс нельзя свести к деятельности атомизированного индивида и присущей этой деятельности случайности. Но именно такое видение отстаивали С.С. Алексеев (1924–2013) и А.А. Собчак (1937–2000), настойчиво предупреждавшие общество от закрепления в будущей Конституции России обязанностей, поскольку якобы такое закрепление из числа советских традиций, “неведомых конституциям передовых стран”¹⁶.

Маститый ученый и получивший широкую известность политик оказались в плену распространенного заблуждения: Конституции, которую предстояло принять, отводилась не разрушительная (эта задача к тому времени была уже решена), а созидательная роль. Она учреждала новый социальный порядок, носителем которого выступало демократическое государство, следовательно, должна была предусмотреть гарантии для учреждаемого Конституцией социального порядка, в том числе путем ограничения произвола индивида или ассоциаций людей и возложения на них определенных тягот во имя общего блага.

Конституционное совещание 1993 г. отвергло тезис, ведущий к отказу от рациональной основы взаимодействия людей, организованных в общество и государство. Победил иной взгляд, не отягощенный мифологемами, противоречащими мировой конституционной практике, и не порывающий с социокультурной традицией России и нравственными основаниями государственной бытийности народа; Конституция закрепила такие принципы, которые способствуют усвоению сочленами общества и государства общественной дисциплины и правопорядка и тем гарантируют рациональ-

¹⁶ Алексеев С., Собчак А. Конституция и судьба России // Известия. 1992. 29 марта.

ность и стабильность учрежденного ею социального порядка.

Обязанности человека и гражданина, в том числе обязанности-ограничения, обязанности-запреты, предметные обязанности, в явной или имплицитной форме закрепленные в Конституции, являются частью Конституции, вне которой она немыслима, как немыслима без основных прав и свобод. Непосредственно обязанностям посвящены шесть статей Конституции, которыми установлены обязанности законопослушания (ч. 3 ст. 15); заботы родителей о детях, их воспитании и заботы трудоспособных детей, достигших 18 лет, о нетрудоспособных родителях (ч. 2, 3 ст. 38); обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44); платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57); сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58); защищать Отечество и нести военную службу либо заменяющую ее альтернативную гражданскую службу (ч. 1–3 ст. 59). Наконец, в ч. 2 ст. 62 для иностранных граждан и лиц без гражданства в части прав и обязанностей установлен национальный режим.

Этот перечень обязанностей, провозглашенных Конституцией в явной форме, должен быть дополнен основными обязанностями, имплицитно присутствующими в ней, в том числе долг верности провозглашенным Основным Законом принципам демократии, обязанность поддержания гражданского мира и согласия. Имеются в виду также обязывающая сила собственности (“собственность обязывает”), которая вытекает из принципа социального государства, и обязанности граждан участвовать в установленных законом формах в поддержании правопорядка и отправлении правосудия, являющихся персонализированным рефлексом принципа правового государства.

Новизна нормирования действующей Конституцией РФ обязанностей заключается и в том, что она отразила логику исторического развития обязанностей от образа человека как сочлена общества к образу политического человека — сочлена государства. Сегодня “обязанности человека” — это не “просто” полемический тезис, аргументируемый историей политических и правовых учений и конституционных учреждений. Конституция России питалась духовным молоком учения о естественном праве; она знает категорию обязанностей человека и гражданина (ч. 3 ст. 15), которая нуждается в адекватном осмыслении. Самым указанием на обязанности человека Основной Закон презюмирует, что

основные обязанности затрагивают или могут затрагивать естественно-правовые принципы.

Признаваемое Конституцией разграничение обязанностей человека и гражданина, которые соотносятся как социальное и юридическое, коренится в характере взаимоотношений личности и общества, их объективно обусловленной взаимозависимости. Обязанности человека вытекают из сочленства людей в обществе себе подобных и являются гарантией устойчивого функционирования общественного организма. Они социально обусловлены и предопределяются уровнем социально-экономического, политического и культурного прогресса и доминирующими в обществе нравственными принципами. На номенклатуру и содержание обязанностей человека сильное влияние оказывают и иные факторы, особенно исторический опыт народа и его социокультурная традиция. В этой связи обязанности человека выступают в качестве важного элемента механизма саморегуляции и саморазвития общества, поскольку составляют атрибутивное качество личности, развивающейся в обществе.

Основные обязанности связаны не только с обществом, но и с государством. В этом смысле обязанности человека представляют собой социально детерминированные необходимости и долженствования, которые трансформируются в обязанности гражданина и гарантируются возможностью не только общественного осуждения, но и государственного принуждения. Это — требования, предъявляемые обществом или государством к личности либо как сочлену государства, либо как члену гражданского общества. Конституционно признанные и обеспечиваемые возможностью государственного принуждения эти требования выступают в качестве основных обязанностей.

Иными словами, “человек” не поглощается “гражданином”. Обязанности человека существуют до и независимо от их признания государством как персонифицированное проявление опыта социального взаимодействия людей и в этом смысле означают долженствования, обеспечивающие рациональность и стабильность коллективной бытийности народа. При этом, однако, — и это главное — конституирование обязанностей человека не лишает их непосредственно социального характера и такой же устойчивости и независимости от формы их государственно-правового признания, как и прав человека. Обязанности человека существуют не в силу их государственного признания и конституционного закрепления, а связаны с самим фактом общественного бытия человека.

Разумеется, указанный логический ряд “обязанности человека — государственное признание — обязанности гражданина” охватывает не все конституционные обязанности. Если обязанности защищать Отечество, заботиться о детях или родителях, соизмерять рамки собственной свободы со свободой других и проч. действительно коренятся в надгосударственной природе человека, то воинская обязанность или обязанность платить налоги, участвовать в отправлении правосудия возникли и развиваются именно как обязанности гражданина. В этом последнем случае основные обязанности вырастают из позитивного права.

Развитие международного правопорядка и характерное для современного мира становление транснационального конституционализма актуализировало еще один аспект интерпретации обязанностей человека и их отграничения от обязанностей гражданина. Однако в этом случае приходится отвлекаться от их социальной характеристики и в качестве критерия разграничения обязанностей человека и гражданина иметь в виду характер юридической связи между личностью и государством — гражданство, иностранство или безгражданство. К примеру, каждый человек независимо от своего гражданства или его отсутствия, пребывающий на территории Российской Федерации, должен соблюдать Конституцию и федеральные законы, уважать права и свободы других лиц. Общее основное образование обязательно для всех проживающих в России лиц, причем независимо от того, являются они гражданами России или нет. На каждого возложена обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к животному и растительному миру. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники исто-

рии и культуры. Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы.

В этом втором смысле обязанности человека есть такие обязанности, которые возложены на всех и каждого независимо от состояния в гражданстве России. В их основе — территориальное верховенство Российского государства над всеми физическими и юридическими лицами в пределах своей территории. Что же касается обязанностей, вытекающих из российского гражданства, они возлагаются только на физических лиц, которые состоят под личным верховенством государства и связаны с ним отношениями гражданства.

* * *

Обязанности человека и гражданина составляют фундамент взаимной безопасности сочленов общества и объективно необходимое условие их взаимодействия в условиях государственной бытийности народа. Они формируют социальную однородность общества и солидарность его членов, основанную на балансе их интересов, который нуждается в постоянной поддержке и поощрении, и тем самым служат не отдельному индивиду, являющемуся субъектом правопритязания, но всем вместе.

Дело за “малым” — нужно, чтобы эти принципы стали социальной практикой, а уклонение от исполнения обязанностей, притом что, пожалуй, в целом мире нет народа, жаждущего более нас законности, перестало почитаться за доблесть. А это, в свою очередь, требует, чтобы закон был действительно равен для всех, а его применение не зависело от личностей, которые могли бы столкнуться либо с самим законом, либо с теми, кто по долгу службы обязан стоять на его страже.

CONSTITUTIONAL LAW AND ITS MAIN DUTIES ARE: HISTORICAL DEVELOPMENT, LEGAL NATURE AND PECULIARITIES OF THE VALUATION. PART I (THE END)

© 2018 B. S. Ebzeev

The Central election Commission of the Russian Federation, Moscow

**E-mail: ebzeev_bs@mail.ru*

Received 08.06.2017

This part of the article discusses the historical development of primary duties. Against this background, the role of natural law in formation of human responsibilities, explained their relation to the duties of the citizen. Special attention is given to the ideological origins and development of the main duties in Russia.

Key words: individual and society, constitutional law, the duties of man and citizen.